

политика

Л.Г.Фишман, Д.А.Давыдов ОТ КАПИТАЛИЗМА К РЕНТНОМУ ОБЩЕСТВУ?

Ключевые слова: капитализм, рента, рентное общество

Еще относительно недавно было принято считать, что рента и рентные отношения не играют в современном (капиталистическом) обществе сколько-нибудь значимой роли. Однако в последние четыре десятилетия ситуация начала меняться. Постепенно ренту стали обнаруживать везде, прежде всего — на стыке политики и экономики (Гордон Таллок, Джеймс Бьюкенен, Роберт Толлисон и др.), пытаясь осмыслить с помощью этой категории различные феномены современности (вплоть до культурных).

Новое пробуждение интереса к рентным отношениям говорит о том, что значение ренты выше, чем предполагалось раньше, и значение это не только экономическое. И дело здесь не только в так называемом «экономическом империализме». Выяснилось, что понятие ренты тесно связано с понятиями социальной структуры, социального неравенства, политических институтов и т.д., легко переводится на язык политологии и социологии (не хуже, чем, скажем, понятие рынка) и полностью релевантно при анализе широкого спектра политических, социальных, даже культурных феноменов — как оставшихся в прошлом, так и имеющих место в настоящем. Думается, что его использование вполне способно приоткрыть нам и некоторые черты будущего.

Политическое толкование ренты

¹ Согласно Давиду Рикардо, рента — это «та доля продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы» (Рикардо [Ricardo] 2003: 65).

Почему социальные исследователи раньше пренебрегали понятием ренты? Не только потому, что на протяжении долгого времени последняя ассоциировалась преимущественно с земельной рентой¹ и другими сугубо экономическими явлениями. Не меньшую роль, как представляется, здесь сыграли и причины идеологического характера. В первую очередь речь идет о традиции подразделять ренту на легитимную, «хорошую», и не совсем легитимную, «плохую».

Построение политико-экономических отношений вокруг распределения ренты прочно ассоциировалось с докапиталистическими обществами. В сущности, рента трактовалась как стоимость, присваиваемая посредством принуждения. В целях идеологического самоутверждения капитализм стремился отмежеваться от предшествовавшей ему длительной истории обществ, строившихся именно на распределении ренты. В определенный период сложился едва ли не консенсус по поводу маргинальности ренты при капиталистическом устройстве. По словам Генри Джорджа, рента начала считаться «грехом» — нетрудовым доходом,

² См. Хайлброннер [Heilbronner] 2009: 236—238.

³ Гобсон [Hobson] 1927.

⁴ Хайлброннер [Heilbronner] 2009: 251. О том, что «Соединенные Штаты все более становятся обществом рантье», с явной тревогой писал и Дэниел Белл (Белл [Bell] 2004: 214).

⁵ Fetter 1977.

⁶ Tollison 2012: 75.

⁷ См. Титова [Titova] 2005.

⁸ Rosenberg, Birdzell 1987: 12.

который лишает капиталистов и рабочих огромной доли средств². Если исследователь, подобно Джону Гобсону³, обнаруживал, что современный ему капитализм (империализм) ориентируется на ренту, то усматривал в этом проявление болезни. Марксисты (например, Николай Бухарин) видели в этом свидетельство вырождения и упадка капитализма: империализм «готовит почву для паразитического, разлагающегося строя рантье»⁴. «Здоровый» же капитализм устами своих апологетов позиционировал себя в качестве общества, в равной мере ушедшего и от неприкрытого насилия, и от накопления ренты. Не то чтобы все это исчезло, но не считалось ни мейнстримным, ни морально легитимным. Основными источниками богатства в капиталистических «порядках открытого доступа» теперь объявлялись труд и капитал. Неудивительно, что в этих условиях концепт ренты нередко оказывался излишним⁵. Если же все-таки речь заходила о ренте, то обычно в контексте лоббирования и сопряженных с ним общественных издержек: предпринимательская погоня за прибылью на рынке из области ренты заботливо исключалась⁶. Легитимными источниками прибыли признавались талант и инновации, обусловленные научно-техническим прогрессом. Инновации позволяли расширить круг источников прибыли, введя в него то, что раньше туда не входило. Однако эта «честная предпринимательская прибыль» не рассматривалась как рента. Не принималась во внимание и другая рентная составляющая такой прибыли — доход от увеличившейся нагрузки на природу, которая долго воспринималась как неисчерпаемый источник ресурсов⁷.

Иными словами, наличие рентоориентированного поведения в капиталистическом обществе не отрицалось полностью, но его область ограничивалась почти исключительно сферой политики. Да и здесь погоня за рентой представлялась чем-то в значительной мере чужеродным, даже архаичным, каким-то, пусть трудно устранимым, пережитком прошлого. Разговор о «хорошей» ренте если и допускался, то главным образом применительно к ренте от «хороших» институтов вроде судебной, налоговой и правовой системы, демократических практик и т.д. Ренты, порожденные государственными монополиями и привилегиями, эксплуатацией, колониализмом, империализмом или рабством, считались непринципиальными для понимания генезиса капитализма. «Экономическое богатство Запада, — доказывали, в частности, Натан Розенберг и Лау Бирдцелл, — приписывалось различным формам дурного поведения, которое было предосудительным если не по критериям своего времени, то уж наверняка по современным критериям. В вину Западу чаще всего ставили рост неравенства доходов и богатства, эксплуатацию рабочих, колониализм, империализм и рабство. Эти объяснения были очень полезны, поскольку поощряли благотворительность, сбивали западную спесь и служили аргументами в пользу социального законодательства. Но лучше не говорить об их адекватности в объяснении экономического роста Запада»⁸.

Тенденция к вынесению проблематики «плохой» ренты за пределы «порядков открытого доступа» отчетливо просматривается и в известной работе Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста «Насилие и социальные порядки». Квалифицируя ренту как вознаграждение за нахождение на вершине социальной иерархии⁹, авторы утверждают, что в «естественных государствах» (ранними примерами которых были рабовладельческие и феодальные государства) создание ренты, вкуче с личными отношениями, выполняет важную позитивную функцию, обеспечивая «систему стимулов, которая сдерживает насилие и делает возможной кооперацию»¹⁰. По-иному обстоит дело в относительно демократичных и либеральных обществах, где политика, нацеленная на создание ренты, дестабилизирует властную коалицию, а следовательно, в долгосрочном плане невыгодна. Хотя «общество открытого доступа» не уничтожает ренту как таковую, стремление к ренте там порождает конкуренцию, которая приводит к эрозии самой этой ренты¹¹. В подобного рода системах доминирует не политическое создание ренты, а обусловленная конкуренцией эрозия ренты вследствие появления новых источников прибыли в «шумпетерианском процессе творческого разрушения»¹². Демократия воспринимается не как просто перераспределение, а как направление средств на *созидание* новых общественных благ и услуг.

⁹ Норт, Уоллис, Вайнгаст [North, Wallis, Weingast] 2011: 92.

¹⁰ Там же: 93.

¹¹ Там же: 215.

¹² Там же: 253.

Между тем главный признак ренты заключается в том, что часть платы за использование некоего актива достается индивиду независимо от его усилий и прошлых действий: он получает право на данный доход просто благодаря своему месту в социальной структуре¹³. *И это вовсе не обязательно положение на вершине социальной иерархии*, тем более в рамках «естественного государства» — «порядки открытого доступа» имеют не менее устойчивые иерархии, а значит, предоставляют свои возможности для погони за рентой.

¹³ Sorensen 1996: 1334.

В свете сказанного вопрос о ренте становится проклятым. Капитализм предполагает существование всех видов ренты — и той, что на уровне идеологии признается «хорошей», и той, что считается «плохой». Нельзя однозначно утверждать, что «плохая» рента маргинальна для подобного общества и должна рассматриваться как пережиток прошлого. Вопрос о ренте в значительной мере является вопросом о получении сверхдохода, проистекающего из положения человека (или даже социальной группы) в социальной структуре. При этом все виды ренты, по аналогии с земельной, воспринимаются как своего рода дары природы, которыми грех не воспользоваться. Такое отношение к ренте, по-видимому, характерно для человека на всех этапах исторического развития.

Роль рентных отношений в истории

В первобытном состоянии человек живет охотой и собирательством, то есть за счет тех самых даров природы. Нельзя сказать, что в ситуации, когда «рынок» ограничен отношениями простого обмена, он получает с этих даров «ренту» (хотя разница в природных условиях

и может давать тем или иным группам нечто подобное ренте). Принципиально здесь то, что большая часть истории человечества протекает в условиях, когда оно пользуется тем, чего само не производит. В первую очередь это относится к продуктам питания, которые человек начинает производить только в процессе неолитической революции. Но и в этом случае производство (к примеру, зерна) зарождается там, где ввиду особенно благоприятных условий оно требует наименьших усилий («плодородный полумесяц»), то есть опять-таки там, где дары природы щедрее всего. Однако это уже иные, прежде не имевшие ценности дары. В число этих даров начинают включаться и люди — в частности, пленные, которых теперь не убивают, а обращают в рабов.

Как заметил еще Рикардо, «если бы воздух, вода, упругость пара и давление атмосферы были неоднородны по своим качествам, если бы они могли быть обращены в собственность и каждый разряд имелся бы только в ограниченном количестве, то и они, подобно земле, давали бы ренту по мере использования низших разрядов»¹⁴. Дар природы дает ренту лишь тогда, когда может быть присвоен. Но когда он может быть присвоен? И чем вызвано само это расширение номенклатуры обладающих ценностью даров природы? Пусковым крючком, превращающим не имеющий цены дар природы в дар, у которого она есть и который, будучи присвоен, способен давать ренту, служат технические инновации.

¹⁴ Рикардо
[Ricardo] 1993:
437.

Если первобытный человек живет чистыми дарами природы, то в дальнейшем, по мере усложнения социальных связей, развития отношений собственности, власти, эксплуатации и т.д., эти дары все больше приобретают вид ренты. Дары природы может присвоить каждый, рента же появляется вследствие *неравенства*, когда одни присвоенные дары «жирнее» других и кто-то обладает монополией на их присвоение. Логика природной ренты, объединяясь с логикой социального расслоения, низводит часть людей до положения «ресурса», одновременно возвышая другую часть. Так формируются порядки «естественного государства», в котором верхушка социальной иерархии живет за счет ренты, обеспечиваемой эксплуатацией и неравенством доступа к ключевым ресурсам.

Такое положение накладывает свой отпечаток на отношение к труду. Уже с античных (по меньшей мере) времен труд не считался желанным занятием, воспринимаясь скорее как нечто необходимое, но мало совместимое с человеческим достоинством, ибо он ставил человека в один ряд с неодушевленными ресурсами. Поэтому его старались возложить на рабов, выводимых из разряда людей в категорию «живых вещей». Благородные и свободные либо совсем не работали, либо избегали физического труда.

В Средние века отношение к труду начало меняться. Не переставая быть тягостной необходимостью, он все чаще рассматривался как средство спасения души, подкрепляющее молитву. Позже, в протестантизме, такое восприятие труда достигло своего завершения, хотя и тогда он не стал чем-то имеющим самостоятельную ценность.

**Стремление
к ренте
как норма**

В неоклассической политэкономии индивид трактуется как «максимизатор» материальных благ. Модель максимизации предполагает, что люди стремятся больше работать, чтобы получить больше благ. Однако сегодня, в эпоху невиданного (по сравнению с прежними эпохами) изобилия, этот морально-экономический императив все менее актуален и действует скорее другая формула: *при меньшем приложении труда получать больше*.

Но так было и раньше.

Труд долгое время не рассматривался как средство максимизации прибыли. Веберовские крестьяне, которые уменьшают количество обработанной земли по мере увеличения сдельной заработной платы¹⁵, а также многочисленные примеры средневекового отношения к прибыли и труду, приводимые Вернером Зомбартом¹⁶, свидетельствуют о том, что труд был средством обеспечить *жизненный минимум*. Точно так же зачастую толковалась и предпринимательская деятельность. То, что выходило за рамки необходимого, было принято получать в виде ренты, за счет труда несвободных, которые воспринимались в качестве такого же источника ренты, как и земля. Аналогичное отношение к методам получения сверхприбыли долгое время было характерно и для раннего капитализма, если рассматривать его как способ хозяйствования, призванный, как и прочие, удовлетворять потребности хозяина. «...Новым доказательством отвращения духа капиталистического хозяйства от всякого стремления к прибыли, — замечал по этому поводу Зомбарт, — является то, что всякая страсть к наживе, всякая жажда денег¹⁷ стремится к своему удовлетворению за пределами процесса производства благ... Люди бегут в рудники, копают клады, занимаются алхимией и всякими волшебствами, чтобы добыть деньги, потому, что их нельзя добыть в рамках обыденного хозяйствования»¹⁸.

При попытках получить что-то сверх необходимого здесь работала скорее логика минимизации издержек, в том числе за счет нахождения некоего дара природы, нежели логика максимизации прибыли путем увеличения трудовых и капитальных вложений. Иными словами, когда речь шла об удовлетворении естественных потребностей, нормальной считалась готовность хозяйствовать, соблюдая определенные меры и границы. Если же речь заходила о сверхдоходе, то люди были склонны получать его любыми экстраординарными способами, но никак не простым увеличением труда в рамках обыденного хозяйствования.

Last but not least, следует учитывать и то обстоятельство, что помимо «человека экономического» с давних пор существовали и другие типы. Да, описанные Эдуардом Шпрангером «человек научный», «человек эстетический», «человек религиозный», «человек социальный», «человек политический»¹⁹ (и ими список наверняка не исчерпывается) по необходимости тоже занимаются экономической деятельностью. Но резонно предположить, что при этом они часто руководствуются иными мотивами, нежели «человек экономический». Они могут не стремиться к максимизации прибыли и вводить инновации не для того,

¹⁵ Вебер [Weber] 1990: 81.

¹⁶ См. Зомбарт [Sombart] 2005.

¹⁷ Читай — всякое стремление к ренте.

¹⁸ Зомбарт [Sombart] 2005: 40—41.

¹⁹ Шпрангер [Spranger] 1982: 55—59.

чтобы заработать больше, но из интереса, или из лени, или ради спасения души, или из любви к авантюрам; наконец, они занимаются не столько собственно экономикой, сколько (в терминах Аристотеля) хрематистикой. Как заметил по сходному поводу Карл Полаanyi, «бухгалтерию „спроса-предложения-цены“ можно, вообще говоря, использовать где угодно, какими бы ни были реальные мотивы конкретных человеческих индивидов, экономические же мотивы per se на большинство людей оказывали, как известно, гораздо меньшее влияние, чем так называемые эмоциональные мотивы. Человечество оказалось не во власти новых мотивов, но в тисках новых механизмов»²⁰. Словом, для оказавшихся «в тисках новых механизмов» погоня за рентой как источником дохода для удовлетворения потребностей (с минимальными временными и трудовыми затратами) и затем спокойного занятия любимым делом может выглядеть привлекательней, чем максимизация прибыли.

²⁰ Полаanyi
[Polanyi] 2002: 240.

Рентоориентированный характер капитализма

В период становления капитализма начинает господствовать принцип максимизации полезности, чего можно добиться только производительным трудом и инвестициями. Капиталистические общества пронизаны духом эгоистического обогащения. Новизна капитализма состоит отнюдь не в том, что какая-то прослойка людей эксплуатирует других. Как уже отмечалось, так было и раньше. От иных форм общественного устройства капитализм отличает особая субъектность, представление о необходимости всеобщего обогащения, возможного лишь через свободный рынок. В этом смысле максимизаторами полезности выступают не только те, кто стоит у руля, но и низовые слои, постоянно стремящиеся к увеличению совокупного благосостояния.

Однако в условиях капитализма (демократии, рыночной свободы и т.п.) рента, вопреки утверждению Норта и его соавторов, не размывается и не блекнет. Представление о труде и инвестициях как о базовых факторах обогащения является лишь тонкой пленкой, натянутой на старое «рентное» основание. И, как мы постараемся показать ниже, эта пленка рискует в любой момент разорваться.

Общепризнанно, что само развитие капитализма происходит не без использования наследия традиционного общества, его норм, рабочей силы, правительственного контроля над властью и порядком, правительственных же преференций и монополий и т.д. По мере того как традиционные источники ренты иссякают, приходится выводить производство туда, где они еще есть в наличии, например в «третий мир». В связи с этим можно вспомнить, что протестантизм (особенно ранний), с которым принято связывать зарождение духа капитализма, обладал и ярко выраженными антикапиталистическими чертами и что не менее пригодной для обеспечения бурного капиталистического развития, как ни удивительно, оказалась, к примеру, конфуцианская этика²¹. Показательно, что во всех случаях такое развитие, по крайней мере на первоначальном этапе, базировалось на своего рода культурной ренте

²¹ См., напр. Россман [Rossman] 2004.

с докапиталистических обществ. Вопрос заключался лишь в том, как использовать этот «дармовой» ресурс, как сделать такое использование приемлемым и нравственно легитимным, и найденные в разных странах ответы на него определялись спецификой имевшегося там социального капитала. Другим, еще более важным источником ренты выступают инновации, которые появляются благодаря научно-техническому прогрессу, природному таланту и т.д., тем самым создавая почву для постоянно возникающих «временных рент».

Всемерное стремление к обогащению в итоге может оборачиваться непрерывным поиском ренты. Тут уместно сослаться на известное замечание британского профсоюзного лидера Томаса Джозефа Даннинга, приводимое Карлом Марксом, о 300% прибыли, ради которых капитал пойдет на все²². Но такая прибыль, конечно же, может быть только следствием ренты. По словам Маркса и Фридриха Энгельса, капитализм не может существовать, не производя все новых и новых переворотов в промышленности²³, что позволяет капиталистам извлекать максимально возможную прибыль. Однако постоянные перевороты — это и есть постоянные новые ренты, которые вкладываются в расширение производства и другие инновации. С этой точки зрения капитализм нередко возводит погоню за рентой в принцип своего существования.

Таким образом, поиск ренты, если не сводить его к докапиталистическим разновидностям, не тормозит развитие капитализма, а подстегивает его. Тормозит развитие капитализма скорее ограниченность источников ренты и вообще всякой сверхприбыли. Если бы каждое новое достижение НТП сразу становилось общим достоянием, никакой ренты как временного преимущества одних над другими не было бы. Как и на ранних стадиях истории, именно инновации позволяют капитализму включать в число полезных источников ренты то, что ранее таковым не являлось. Капитализм — это сумма социальных технологий открытия новых источников ренты, и в первую очередь ренты как условия *избыточного богатства для дальнейшего роста*. Если раньше технические новшества нередко отвергались по соображениям морали, ибо они могли уничтожить благосостояние слишком многих, породить несправедливые цены и т.д., то теперь ситуация меняется. В данном контексте разрешение инноваций означает позволение искать ренту там, где прежде ее не искали исходя из обычаев и моральных установлений.

На самом деле капиталистическое общество еще более ренто-ориентировано, чем предшествовавшие, хотя официально поиск ренты в нем предстает как морально и институционально легитимная *погоня за сверхприбылью*. Поэтому погоня за рентой при капитализме вседуша²⁴. Когда возможности для поиска «хорошей» и легитимной ренты по каким-то причинам исчезают либо сокращаются, ищут ренту политическую или даже, в пределе, прямо основанную на насилии. На ранних стадиях развития капитализма буржуа охотно идут на приобретение старых видов ренты — покупают землю, дворянские титулы,

²² «Обеспечьте капиталу 10% прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы» (Маркс, Энгельс [Marx, Engels] 1960b: 770).

²³ Маркс, Энгельс [Marx, Engels] 1960a: 427.

²⁴ Не случайно одним из основополагающих понятий при оценке капиталистического предприятия является «рентабельность», ведущая свое происхождение от слова «рента».

монополии, откуп налогов. В наше время мы сталкиваемся с логроллингом, борьбой различных групп интересов и меньшинств за привилегии и «позитивную дискриминацию» и т.д. Подобная рентоориентированная активность подкрепляется исходной природой государства как «стационарного бандита», который удовлетворяет притязания политически значимых групп путем распределения привилегий, монополий и рент.

Сегодняшнее обращение к понятию ренты в политической и экономической науке во многом продиктовано идеологическими соображениями. На «плохие» рентные практики, опосредованные государством и его институтами, пытаются возложить вину за издержки капитализма, не принимая во внимание то обстоятельство, что постоянный поиск ренты — главное для капитализма, и здесь уже не важно, «хорошая» она или «плохая». Если бы дело обстояло иначе, «порядки открытого доступа» искоренили бы «плохую» ренту и пережитки «естественного государства». Однако этого не произошло, и капитализм до сих пор не имеет устойчивой политической надстройки. Срывы к диктатуре и фашизму, которые тоже можно считать возвратом к поиску «плохой» ренты при невозможности получить «хорошую», — явление не такого уж далекого прошлого.

Но значение концепта ренты не исчерпывается возможностью посмотреть через предоставляемую им оптику на историю капитализма. Понятие ренты позволяет разглядеть в современном обществе тенденции, которые по разным причинам (в основном идеологического характера) не видны или не очевидны при использовании других концептуальных рамок.

**Современное
западное
общество
как рентное
общество**

Итак, современный капитализм еще более последовательно пронизан рентными отношениями, чем предшествовавшие ему общества. В период глобализации эта пронизанность стала особенно явной. По мере вынесения производств в развивающиеся страны большинство населения развитых стран фактически превратилось в рентополучателей с «третьего мира», занятых в сфере услуг. Росту занятости этой сфере способствует и автоматизация производства, влекущая за собой необходимость утилизации избыточной рабочей силы. При этом экономическое принуждение замещается внеэкономическим. В то время как капиталист получает ренту с автоматизированного производства (а также с производства, перенесенного в развивающиеся страны), большая часть населения превращается в обслугу, с которой этой рентой делятся. Но такое распределение ренты означает закрепление большей части населения на низших социальных позициях. Это позволяет говорить о возвращении «отрабочной ренты» — и вообще старых форм политико-экономической организации. Все это сочетается с «обществом потребления», в котором большинство заинтересовано не в максимизации прибыли, а в получении достаточного для поддержания своего статуса

дохода. Надо также учитывать распространение политических рент для определенных социальных слоев, групп интересов и т.д. Сложившееся положение вещей предлагается даже признать официально и узаконить, предоставив всем базовый доход. Происходит своего рода возврат к «естественной» мотивации: минимизировать усилия для получения необходимого.

Что же в свете подобного настоящего обещает нам будущее? Согласно утвердившейся в кругу марксистов точке зрения, мы являемся свидетелями упадка капитализма, превращения его в «сервиснорентное общество»²⁵. И такая точка зрения небезосновательна.

²⁵ Готнога
[Gotnoga] 2013:
161.

Складывается впечатление, что капитализм как система, в которой индивиды стремятся к максимизации материального благосостояния путем труда и инвестиций, исчерпывает свой внутренний потенциал. На наш взгляд, современное общество постепенно трансформируется в *рентное*. Внешне такое общество еще сохраняет некоторые атрибуты капитализма (вроде деятельности транснациональных корпораций), но внутри уже всюду протекают необратимые процессы, приводящие к изменению его системообразующих оснований.

Выше мы показали, что в докапиталистическую эпоху и на ранней стадии развития капитализма стремление к получению ренты было доминирующим способом извлечения выгоды. При этом с момента зарождения государства, то есть возникновения первых цивилизаций, природная рента (в феодальном обществе — земельная) обычно являлась одновременно и социальной, обусловленной угнетением одних слоев населения другими. Иными словами, преимущества в виде привилегий или положения в обществе порождали преимущества в виде доступа к плодородным землям или дешевой рабочей силе. Основная же масса населения была вынуждена работать, не получая справедливого вознаграждения за свой труд.

До недавнего времени социальную ренту извлекали представители привилегированных меньшинств. Но, по нашему убеждению, в современном западном обществе происходит кардинальное изменение численности ренты. За счет ренты там живет уже подавляющее *большинство* индивидов, в то время как основной и впоследствии распределяемый продукт производится меньшинством. Фраза «жить за счет ренты», разумеется, не означает, что современные ренты не выполняют никакой работы. Речь идет лишь о том, что существенная часть потребляемых ими благ (обладающих соответствующей потребительной стоимостью) ни в какой мере не является результатом их труда (даже если исходить исключительно из пропорций общественного разделения труда). Меняется и характер социальных отношений, структурирующих перераспределение ренты. Современное меньшинство производителей — это вовсе не угнетаемый класс. Напротив, в каких-то случаях его представители движимы мотивами саморазвития и раскрытия внутреннего потенциала, а в каких-то — жадной власти или превосходства. Как бы то ни было, основная масса населения довольствуется более

скромными видами на жизнь. Здесь работает уже описанная логика минимизации издержек или трудозатрат.

Как возможно современное рентное общество? Первое, что приходит здесь на ум, — это использование развитыми странами своего финансового и геополитического потенциала в отношении стран «третьего мира»: от кредитной кабалы до переноса реальных производств и эксплуатации дешевой рабочей силы ведущими транснациональными корпорациями. При этом все жители развитых стран вне зависимости от их труда получают ренту, размер которой определяется распределением общественных благ конкретными правительствами. Однако, на наш взгляд, тот факт, что любой гражданин того или иного государства получает ренту, сам по себе еще не означает появления рентного общества. Рентное общество — это результат *внутренней* коррозии капитализма, деструкции механизмов, изначально поддерживавших капитализм как систему. Соответственно, наибольший интерес в данном случае представляют трансформации ценностных установок рядовых граждан.

Капиталистическая экономика зиждется на *статусном потреблении*. В сущности, капитализм немислим без постоянного стремления индивидов к достижению более высоких стандартов потребления, устанавливаемых самым обеспеченным слоем. Как отмечал в свое время Торстейн Веблен, «если бы, как иногда полагают, стимулом к накоплению была нужда в средствах существования или в материальных благах, тогда совокупные экономические потребности общества понятным образом могли бы быть удовлетворены при каком-то уровне развития производственной эффективности, но, поскольку борьба, по сути, является погоней за престижностью на основании завистнического сопоставления, никакое приближение к определенному уровню потребления невозможно»²⁶. При этом «представители каждого слоя принимают образ жизни, вошедший в моду в следующем соседнем вышестоящем слое, и устремляют свои усилия на то, чтобы не отстать от этого идеала»²⁷.

По мнению Веблена, гонка демонстративного потребления не должна была закончиться никогда, ибо всегда появляются новые и новые веяния моды, выражающиеся в излишках материальных благ. Тем не менее его слова сегодня уже не так актуальны. Веблен рассуждал об индустриальных обществах первой четверти XX в., социальное пространство которых представляло собой совокупность иерархических формирований, выстраиваемых в классовую структуру. В таких обществах личностная идентичность определялась рамками строгих дихотомий: богатый/бедный, сильный/слабый, аристократичный/мещанский и т.п. Современное же общество, напротив, полиморфно. Мы наблюдаем процесс размывания статусных категорий. Более того, статус как таковой сегодня все чаще отождествляется не столько с материальными излишками, сколько со стереотипными наборами неких социально одобряемых практик. Весьма показательным в этом плане устоявшееся представление об интеллектуальном труде и «просвещенном» (благородном

²⁶ Веблен [Veblen] 1984: 80.

²⁷ Там же: 120.

и т.п.) классе интеллектуалов. Подобная символическая статусность офисных клерков парадоксальным образом уживается с минимализмом и банальной ленью: люди готовы получать в два-три раза меньше, лишь бы не иметь дело с тяжелым физическим трудом или риском.

Вместо стремления к материальному благополучию, достижение которого и сегодня связано с мобильностью, предпринимательским риском и/или упорным трудом, все более привлекательными становятся стратегии поиска «теплых местечек» с небольшим, но стабильным доходом и не слишком обременительной работой. Не случайно в последнее время получил распространение такой феномен, как дауншифтинг, предполагающий, в частности, добровольный отказ от продвижения по карьерной лестнице²⁸. В условиях, когда уровень материального благосостояния развитых государств гарантирует каждому не только выживание, но и определенный минимум *удобств*, выбор в пользу отрешенности и копания в собственном приватизированном внутреннем мире оказывается весьма соблазнительным.

²⁸ Hamilton 2003.

Но не менее существенно то, что сегодня все больше размывается связь между усилиями в сфере производительного труда и возможностью получать удовольствие от различного рода развлечений (средства на оплату которых этот труд призван обеспечивать). Мы подходим к той точке, когда рентой гарантируется не только выживание и определенный уровень комфорта, но еще и *отсутствие скуки*. Научно-технический прогресс позволяет глобальным корпорациям ежегодно выбрасывать на рынок все новые товары, призванные развлекать, причем товары, доступные для широких масс. Технологии стремительно дешевеют, позволяя новшествам в виде более совершенных гаджетов или, например, компьютерных игр появляться на рынке по неизменным или даже снижающимся ценам. Современным техноманьякам или геймерам нужно не столько заработать на то, что составляет основу их досуга (а в каких-то случаях — и смысл жизни), сколько немного *подождать*. В такой ситуации труд оказывается лишь помехой на пути к ежегодно обновляемому спектру удовольствий.

Что не так с рентным обществом?

Размывание материалистических ценностей могло бы обрадовать таких авторов, как Рональд Инглхарт или, например, Амитай Этциони. В глазах Инглхарта постматериализм ассоциируется со стремлением к самовыражению и плюрализму, заботой об окружающей среде и т.п.²⁹ Аналогичной точки зрения придерживается Этциони³⁰.

²⁹ Инглхарт [Inglehart] 1997: 6—33.

³⁰ Этциони [Etzioni] 2008: 53—62.

Беда в том, что в условиях рентного общества никакого сдвига в пользу ценностей самореализации (как достижения вершин в каких-то областях творчества) или чего-то вроде заботы об окружающей среде не наблюдается. Речь идет скорее об упадке мотивации к производительному труду. Гарантируемый рентой минимум материальных благ обеспечивает достаточное пространство досуга, никогда не надоедающего в силу постоянного научно-технического прогресса. В резуль-

тате рентное общество оказывается обществом *фетишистского минимализма*.

Современные рантье-потребители довольствуется относительным минимумом, но этот минимум обладает *внутренней избыточностью*. Здесь можно привести в пример практически любой виртуальный мир MMORPG. Маркетинг массовых многопользовательских ролевых онлайн-игр строится на психологическом воздействии на игроков с тем, чтобы их реальные жизненные цели заменялись положительными реакциями на повторяющиеся виртуальные стимулы. Мир MMORPG кажется более интересным, динамичным, а главное — доступным. За пару десятков долларов в месяц вы получаете возможность стать героем, лидером боевого клана или беспощадным убийцей-гладиатором. Особенность сетевых игр еще и в том, что достигнутые в них результаты являются социально признаваемыми. В виртуальных мирах формируются свои виртуальные «праздные классы», подогревающие погоню за теми или иными «благами» (добыть самые дорогие предметы, обзавестись самым редким средством передвижения и т.п.). И в той мере, в которой геймер нацелен на виртуальные победы, он отстраняется от мира реального: ему достаточно лишь игрового компьютера и ежемесячной подписки на товар массового потребления — игру.

Иными словами, демонстративное потребление в рентном обществе не обязательно полностью исчезает и может отчасти перетекать в виртуальные миры. При этом виртуальная праздность нередко соседствует с реальным минимализмом.

Так что же не так с рентным обществом? Начнем с того, что рентное общество — это подобие раковой опухоли в теле капитализма. Некоторые клетки капиталистического общества мутируют, перерождаются в нечто враждебное организму в целом.

Разумеется, капитализм никогда не был воплощением представлений о благе. Напротив, капитализм — это усмиренное зло, чьи разрушительные порывы лишь частично направляются «невидимой рукой» на пользу общества. В чистом виде капитализм представляет собой систему, основополагающим элементом которой является эгоизм, нередко обращаясь в ложь, социальную несправедливость и насилие. Именно капитализм порождает все известные глобальные проблемы современности — от ожирения потребителей фаст-фуда до загрязнения окружающей среды и финансовой эксплуатации стран «третьего мира». Однако, несмотря на все негативные черты, капитализм имеет, на наш взгляд, и позитивные стороны.

Возьмем, к примеру, окружающую среду. Сегодня многие в интеллектуальных кругах связывают экологические проблемы с деструктивными силами капитализма. Ведь, как замечает Иммануил Валлерстайн, «капитализм представляет собой систему, насущная потребность которой заключается в расширении — как совокупного производства, так и географических пределов, — что позволяет достигать основной цели — накопления капитала»³¹. Между тем, с точки зрения экологов, непре-

³¹ Валлерстайн [Wallerstein] 2004: 107.

рывное расширение производства и потребления чревато глобальными экологическими катастрофами. И все же, по нашему убеждению, бесконтрольное расширение капиталистического производства далеко не самый худший сценарий.

³² Nordhaus, Shellenberger 2007.

Действительно серьезный рост материального благосостояния в планетарном масштабе невозможен без научно-технического прогресса. А научно-технический прогресс (даже если его главная задача в капиталистической экономике — содействовать созданию потребительских товаров) рано или поздно произведет на свет совокупность инструментов, которые можно будет использовать для решения экологических проблем. Именно на это указывают авторы книги «Прорыв: от смерти движения в защиту окружающей среды к политике возможностей»³² Михаэль Шелленбергер и Тед Нордхаус. Экологическая идеология сегодня зациклилась на мальтузианской риторике загрязнения окружающей среды и постоянных призывах к сокращению или замедлению экономического роста, подчеркивают они, тогда как подобный подход полностью бесперспективен и единственное приемлемое решение — это, напротив, способствовать *прогрессу и технологическим инновациям*. В подтверждение своего тезиса они ссылаются, в частности, на проблему вырубки лесов Амазонки, которую, по их мнению, нельзя решить, сосредоточившись на борьбе с нелегальными лесорубами, поскольку такая политика слишком сильно бьет по населению Бразилии, издавна живущему за счет вырубки. Альтернативный и более адекватный путь решения данной проблемы — сделать так, чтобы местные жители могли зарабатывать на жизнь каким-то другим способом, что, в свою очередь, требует дальнейшего *экономического развития*.

Иными словами, капитализм в виде общества ориентированных на максимизацию своего материального благосостояния эгоистичных индивидов выглядит небезнадёжно — во всяком случае, до тех пор, пока повсеместное стремление к материальной выгоде (либо к соответствию стандартам «демонстративного потребления») побуждает людей к производительному труду и *инновациям*.

По отношению к рентному обществу быть оптимистом гораздо сложнее, если вообще возможно. Современный уровень развития производительных сил позволяет содержать многочисленную прослойку рантье, довольствующихся относительным минимумом материальных благ. При этом меняется структура экономики, все больше превращающейся в *экономику рантье, обслуживающих рантье*, где каждый стремится занять нишу, гарантирующую пусть низкий, но зато стабильный доход. В экономике, построенной по принципу массового распределения ренты, ни о каком предпринимательском духе не может быть и речи. Максимум, на что хватает фантазии рантье, — это открыть что-то вроде продуктового магазина или парикмахерской (причем там, где в них нет особой нужды).

Рентное общество — это общество, в котором технологические инновации возникают в строгой синхронии с возникновением новых

потребительских желаний. Главное, что должен обеспечивать в нем технологический прогресс, — это *отсутствие скуки по минимальной цене* для каждого. Соответственно, скачок в технологическом развитии там возможен только по случайному стечению обстоятельств. Спросом рантье пользуются лишь *доступные* технологии.

Современные рантье минималисты, но их минимализм отнюдь не связан с переоценкой ценностей в пользу свободной творческой самореализации. Это минимализм, за которым кроется избыточность материального. По своей сущности такие рантье (в отличие от капиталистических) — это паразиты, не способные ни к творческому созиданию, ни к творческому разрушению.

Однако основная, на наш взгляд, проблема связана с оторванностью рентного общества от насущных проблем. Представленный недавно шлем Oculus Rift — только первый шаг на пути к непосредственному вовлечению рантье в виртуальную реальность. Вещи, подобные Oculus Rift, привлекательны для рядовых рантье, чью жизнь трудно назвать насыщенной и разнообразной. Будучи в действительности эксплуатацией массового сознания, виртуальная реальность в сочетании с индустрией развлечений как нельзя лучше создает иллюзию интересной жизни.

Современные рантье, несомненно, потребляют меньше, чем те, кто стремится к максимальному благосостоянию. Но они и не способны как-то изменить мир. Рентное общество обречено на экстенсивный рост до тех пор, пока ресурсы планеты не иссякнут или не произойдет какой-либо экологической катастрофы всемирного масштаба.

В данной ситуации капитализм выглядит меньшим из зол. Капитализм в его классической форме общества эгоистических накопителей имеет облик гангстера, злобного и жадного, но при этом достаточно благоразумного, чтобы откупаться от государства и общества, а потому невольно творить какое-то добро. Гангстер, попавший в беду, способен сохранить человеческое лицо, ибо даже у преступников есть свои кодексы чести. Рентное же общество подобно наркоману, окончательно севшему на иглу. Современный рантье индифферентен и консервативен. Он живет в своем замкнутом мире, предпочитая производительному труду минимум гарантируемых благ. И весьма маловероятно, чтобы это отрешенное и консервативное общество минимизаторов трудозатрат смогло хоть что-нибудь противопоставить надвигающимся глобальным бедствиям, которые оно само же и порождает.

* * *

Разумеется, нарисованная нами картина носит гипотетический характер. Мы говорим лишь о тенденциях, способных привести к описанному положению вещей. Более того, мы отнюдь не хотим сказать, что рентному обществу нет альтернативы, да и его предположительное становление не означает финала человеческой истории. Как уже

отмечалось выше, стремление к получению ренты, к жизни на ренту естественно для людей и по мере развития человечества только прогрессирует. Наблюдаемые сегодня тенденции, ведущие к становлению рентного общества, в известной мере выходят за пределы «духа капитализма», хотя, возможно, свидетельствуют о попытке последнего продлить свое существование. Но в этой попытке в массовом сознании приобретает легитимность представление о необязательности труда для достойной жизни. В связи с этим формирование в обозримом будущем тех или иных версий рентного общества вполне может оказаться не более чем стадией на пути перехода к обществам иного типа. В конце концов, предсказанный классиками марксизма (а марксизм — это «критика труда») коммунизм — тоже версия общества, живущего на ренту с научно-технического прогресса, но, в отличие от грозящего нам варианта рентного общества, этот прогресс поддерживающего.

Библиография

- Белл Д.** 2004. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. — М. [Bell D. 2004. Grjadushhee post-industrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya. — М.].
- Валлерстайн И.** 2004. *Конец знакомого мира*. — М. [Wallerstein I. 2004. Konec znakomogo mira. — М.].
- Вебер М.** 1990. *Протестантская этика и дух капитализма: Избранные произведения*. — М. [Weber M. 1990. Protestantskaja ehnika i dukh kapitalizma: Izbrannye proizvedeniya. — М.].
- Веблен Т.** 1984. *Теория праздного класса*. — М. [Veblen Th. 1984. Teorija prazdnogo klassa. — М.].
- Гобсон Дж.** 1927. *Империализм*. — СПб. [Hobson J. 1927. Imperializm. — SPb.].
- Готнога А.** 2013. Рентные механизмы воспроизводства будущего общества // *Философия хозяйства: Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. № 5 [Gotnoga A. 2013. Rentnye mekhanizmy vosproizvodstva budushhego obshhestva // Filosofija khozajjstva: Al'manakh Centra obshhestvennykh nauk i ehkonomicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova. № 5].
- Зомбарт В.** 2005. *Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1*. — СПб. [Sombart W. 2005. Sobranie sochinenij: V 3 t. T. 1. — SPb.].
- Инглхарт Р.** 1997. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис*. № 4 [Inglehart R. 1997. Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva // Polis. № 4].
- Маркс К., Энгельс Ф.** 1960а. *Сочинения. 2-е изд. Т. 4*. — М. [Marx K., Engels F. 1960a. Sochineniya. 2-e izd. T. 4. — М.].
- Маркс К., Энгельс Ф.** 1960б. *Сочинения. 2-е изд. Т. 23*. — М. [Marx K., Engels F. 1960b. Sochineniya. 2-e izd. T. 23. — М.].
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.** 2011. *Насилие и социальные порядки*. — М. [North D., Wallis J., Weingast B. 2011. Nasilie i social'nye porjadki. — М.].

Поланы К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени.* — СПб. [Polanyi K. 2002. Velikaja transformacija: politicheskie i ehkonomicheskie istoki nashego vremeni. — SPb.].

Рикардо Д. 2003. *Начала политической экономии и налогового обложения.* — М. [Ricardo D. 2003. Nachala politicheskoij ehkonomii i nalogovogo oblozhenija. — M.].

Россман В. 2004. Китайский капитализм // *Вестник Европы.* № 12 [Rossman V. 2004. Kitajskij kapitalizm // Vestnik Evropy. № 12].

Титова Г. 2005. Кризис социальной мысли // Гэффни М., Титова Г., Харрисон Ф. *За кулисами становления экономических теорий: От теории — к коррупции.* — СПб. [Titova G. 2005. Krizis social'noj mysli // Gaffney M., Titova G., Harrison F. Za kulisami stanovlenija ehkonomicheskikh teorijj: Ot teorii — k korrupcii. — SPb.].

Хайлброннер Р.Л. 2009. *Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха, идеи.* — М. [Heilbrunner R.L. 2009. Filosofy ot mira sego. Velikie ehkonomicheskie mysliteli: ikh zhizn', ehpokha, idei. — M.].

Шпрангер Э. 1982. Основные идеальные типы индивидуальности // *Психология личности.* — М. [Spranger E. 1982. Osnovnye ideal'nye tipy individual'nosti // Psikhologija lichnosti. — M.].

Этциони А. 2008. Что придет на смену консьюмеризму? // *Свободная мысль.* № 8 [Etzioni A. 2008. Chto pridet na smenu kons'jumerizmu? // Svobodnaja mysl'. № 8].

Fetter F.A. 1977. *Capital Interest and Rent: Essays in the Theory of Distribution.* — Kansas City.

Hamilton C. 2003. *Downshifting in Britain: A Sea-change in the Pursuit of Happiness.* — Cambridge.

Nordhaus T., Shellenberger M. 2007. *Break Trough: From the Death of Environmentalism to the Politics of Possibility.* — N.Y.

Rosenberg N., Birdzell L.E. 1987. *How the West Grew Rich: The Economic Transformation of the Industrial World.* — N.Y.

Sorensen A. 1996. The Structural Basis of Social Inequality // *The American Journal of Sociology.* № 5.

Tollison R. D. 2012. The Economic Theory of Rent Seeking // *Public Choice.* № 1—2.